

Ильенковские чтения-2019 Обзор международной научной конференции

Ежегодная международная научная конференция «Ильенковские чтения-2019: Э.В. Ильенков: проблема единства и целостности философско-мировоззренческих взглядов» была проведена в Москве, в Институте прикладной механики РАН 26–27 апреля 2019 г. Устроителями конференции стали Российское философское общество «Диалектика и культура» и Русское космическое общество.

Помимо известных российских философов, педагогов с пленарными докладами выступали ученые из Украины (*В.С. Возняк*), Финляндии (*В. Ойттинен*), Великобритании (*Б. Бауринг*). Докладчики рассматривали проблемы истоков творчества Э.В. Ильенкова и соотношения его философии с другими направлениями развития марксистской философской мысли. В частности, *А.Д. Майданский* (Белгород) рассмотрел вопрос об истоках достаточно раннего, но весьма значимого текста «Космология духа», который позволяет прояснить ильенковское понимание диалектического развития мыслящей материи. *В. Ойттинен* провел достаточно четкую понятийную грань между ильенковской философской традицией и деборинской интерпретацией марксизма. *Б. Бауринг* представил подробный анализ влияния ильенковского творчества на развитие британской марксистской традиции, показав, что наибольший интерес к нему проявили английские сторонники троцкистской интерпретации марксизма.

Другие пленарные доклады были посвящены возможностям диалектического «удержания» в рамках современных теорий развития ключевых моментов марксистской философии и роли Э.В. Ильенкова в постановке этого вопроса. *Е.В. Мареева* и *С.Н. Мареев* говорили о ключевом вопросе сохранения исторической памяти, которая представляет собой необходимый базис для диалектического развития, поскольку способна сохранять в снятом уже виде плодотворные для будущего исторические противоречия.

А.В. Лобастов, *В.С. Возняк* с различных сторон рассмотрели проблему целостности мировоззрения, как она проявилась в творчестве Ильенкова и как она решалась им теоретически.

О диалектике становления личности, в особенности о роли предметной деятельности в развитии идеального, выявленной в процессе Загорского эксперимента, говорил на пленарном докладе *А.В. Суворов*.

Секционные заседания конференции были посвящены таким тематическим сферам, как: Э.В. Ильенков и классическое философское наследие, проблема мировоззрения в ильенковской философии, личность и образование, вопросы философской и научной методологии. При характеристике конференции мы попытаемся выделить существенные моменты, каковые наиболее содержательно отражают не только творчество Эвальда Васильевича, но и его многоуровневое влияние на контекст современной философии, психологии, педагогики, научной методологии и, в целом, на осмысление состояния гуманитарного знания.

Ключом к ильенковскому творчеству является проблема сущности сознания и неразрывно связанный с ней вопрос о мышлении. Здесь мы выходим на ряд заблуждений в понимании сознания. К наиболее серьезным *Г.В. Лобастов* отнес господствующие и в науке «схематизмы обыденного сознания», под влиянием каковых мышление понимается «как только субъективно-психическая деятельность, противопоставленная действительности и завязанная только на структуры мозга и физиологию высшей нервной деятельности». Это достаточно опасный «схематизм», если наша образовательная система полагает возможной подготовку к жизни творчески мыслящей личности.

Фактически перед наукой педагогики всегда стоит сущностный выбор: готовить диалектически-умную, способную ощущать критическую рефлексию личность, либо «профессиональных кретинов». Последним весьма жестким определением пользовались и К. Маркс, и Э.В. Ильенков, следовавший заданной автором «Капитала» традиции в определении онтологического статуса «узких» специалистов.

О.М. Борецкий (Казахстан) в этом отношении рассуждает в одном направлении с Г.В. Лобастовым, указывая на существенное различие между сознанием и интеллектом: «Разница между сознанием (мышлением) и разумом (интеллектом) заключается в том самом противоречии, в котором, по Гегелю и Ильенкову, и состоит критерий истины. Сознание может и должно себе противоречить (человек весь состоит из таких противоречий и парадоксов)». Трудовая сущность сознания проявляется в рамках социальной формы движения материи. Г.В. Лобастов подчеркивал, что такая форма разворачивается в рамках исторического пространства и исторического времени. Соответственно, противоречия социального бытия, обусловленные спецификой развития трудовых отношений в тот или иной исторический период, определяют основные закономерности формирования общественного сознания. Поэтому без детального понимания трудовой специфики сознания, свойственной современному этапу общественного развития, трудно говорить о возможности качественных прорывов в решении таких сложных проблем глобального характера, как, например, возможность устойчивого развития всего человечества как целостности. В этом смысле огромную роль играет продуктивное воображение, каковое позволяет выйти за пределы наличного противоречия, забежать вперед, не фиксируясь на проблеме, но представить будущее, в рамках которого проблема уже разрешена. Анализ выступления О.М. Борецкого позволяет еще более четко понять «беду» интеллектуального развития узких профессионалов-специалистов. С ильенковской точки зрения, только истинное, диалектическое мышление может быть самостоятельным, не ориентирующимся на авторитеты, свободным от многочисленных стереотипов, изоморфных бэконовским идолам рода, пещеры, рынка, театра. При таком различии мышления и интеллекта становится понятно, почему критерием успешности современного образования становятся многочисленные показатели развития интеллекта. Профессиональный интеллект не гарантирует умения критически относиться к системным проблемам общественного развития. Интеллект не может вытравить из человека обывателя, приспособленца, конформиста, не способен обеспечить целостной методологией критики общественных проблем.

Действительно, очень проблематично говорить о тождестве интеллекта и бытия. Только понимая неравнозначность понятий интеллекта и мышления, можно войти в диалектическую логику, задаваемую принципом тождества мышления и бытия. Ильенковскую статью «Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии» *В.Д. Жирнов* относит «в арсенал высших достижений научно-философской мысли». По его мнению, важно правильно определить, что такое «мыслящее тело», каковым «является не обособленный индивид, а некий «ансамбль» телесно равноценных индивидов, воспроизводящих в процессе труда свою собственную жизнь». *В.Д. Жирнов* указывает на то, что единство бытия и мышления можно зафиксировать в формах «понятийного мышления». Всеобщие категории в их логической взаимосвязи наиболее прозрачно отражают закономерности развития действительности. Такие формы мыслительной деятельности, как, например, искусство и религия, не ставят перед собой целью строгое соответствие становлению бытия, зачастую концентрируясь на конструировании иллюзорных миров. *В.Д. Жирнов* подчеркивает, что философия как теория мировоззрения лучше других способна описать «посюсторонний мир». Однако в связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что далеко не всякая философская теория мировоззрения руководствуется тождеством бытия и мышления. Так, герменевтика, философия постструктурализма, позитивизм, психоаналитическая философия, бихевиоризм, наоборот, критикуют этот принцип, стремясь отвести для теоретической

мысли человека особые «миры»: «текста» (постструктурализм), позитивных и негативных и универсальных утверждений (логический позитивизм) и т. п.

С.Н. Мареев и *Е.В. Мареева* обращают внимание на исповедуемый многими указанными направлениями редукционизм в решении вопроса о сущности сознания и идеального. Так, анализируя культурно-исторический подход к психологии личности Л.С. Выготского, они отмечают, что знаменитый психолог с убийственной точностью подметил, что для психоаналитика все – «коммунизм и тотем, церковь и творчество Достоевского, оккультизм и реклама [...] замаскированный пол, секс и ничего больше», а «оглавление курса рефлексологии – это универсальный каталог мировых законов. И опять, как с психоанализом, оказалось, что все в мире – рефлекс». С.Н. Мареев и Е.В. Мареева обращают внимание на то, что подобного рода редукционизм чреват каждый раз созданием некоей новой метафизики, основанной на какой-либо центральной идее. Таковая может быть очень плодотворна для научного поиска в строго определенной сфере, но попытка придать ей некие всеобщие познавательные «полномочия» ведет к тому, от чего бежит претендующая на точность научная дисциплина – к метафизическим обобщениям. Такое возрождение превращенной метафизики, на наш взгляд, имеет повторяющийся, циклический характер. В XX – нач. XXI вв. оно связано с научными поисками сознания, духовной сферы в рамках чисто физиологического субстрата – человеческого мозга, против чего ратовали и Э.В. Ильенков, и Л.С. Выготский. До той поры, пока эта тенденция будет сохраняться, общественно-историческая сущность мышления, духовной памяти будет скрыта от основных общественных систем (в особенности образовательной, социальной, политико-экономической).

Естественным продолжением ключевого вопроса о сущности мышления в контексте ильенковского творчества является вопрос о целях образовательной деятельности и смысле педагогики как таковой. Многие участники конференции не могли не обратить внимания на то, что узкий, пусть и высочайшего уровня, профессионализм специалиста противоположен марксистскому идеалу универсально развитой личности. Сегодняшняя официальная образовательная ставка на «одаренных детей», к сожалению, является одной из сторон социальной сегрегации, отвечающей интересам господствующих страт капиталистического общества. Найти в ребенке ярко выраженную предрасположенность к какому-либо узкому предмету, вложить максимальные силы и время, чтобы развить ее, еще более сузить – ради преимуществ в конкурентной борьбе на рынке труда – такова в сухом остатке суть образовательного акцента на поиске и развитии талантов. Подобная концепция, по мнению *О.Ф. Иващук* (Ростов-на-Дону), фактически равносильна образовательной селекции: «легитимному самоисключению тех, из кого можно было бы при надлежащем подходе сотворить гениев». Проанализировав судьбу ильенковского подхода к образованию слепоглухонемых детей (каковой вполне применим и к зряче-говоряще-слышащим!), *О.Ф. Иващук* подчеркнула, что замалчивание результатов Загорского эксперимента, имевшее место еще в советские времена, – это как раз следствие сокрытия социально несправедливой по своей сути образовательной политики.

О.В. Болотова (Санкт-Петербург) свое выступление посвятила ильенковскому анализу глубинной, сущностной диалектики человека как общественного существа. Биологическое и социальное – это отнюдь не две автономные стороны современного *homo sapiens*. Они находятся в неразрывной диалектической связи, не могут мыслиться одна без другой. Согласно мысли Э.В. Ильенкова, у человека, имеющего полноценно развитый мозг, уже существуют все возможности для качественного развития своего сознания, фактически, в любом выбранном направлении. Ему не нужно генетически обусловленной талантливости, достаточно правильно созданных социально-педагогических условий. Анализируя и используя ильенковский подход к учению о соотношении биологического и социального, *О.В. Болотова* фактически реализует принцип восхождения от абстрактного к конкретному, полагая данный концепт «руководством к действию для

современных родителей, педагогов и неврологов». Такой подход не позволяет делить детей на «талантливых» и «обычных», способствует сохранению у любого человека, в любом возрасте устойчивой веры в свой успех.

С.В. Резванов (Ростов-на-Дону) рассматривает данную проблему, характеризуя личность как «своеобразную микрокультуру, культуру в культуре, которая созидает себя из ближайших культурных образований, данных ей «ближайшим окружением». По его мнению, в рамках современной структуры капиталистического государства таким образом понимаемая личность является «содержанием фетишистских структур». В том случае, если она придерживается примитивно-эмпирического мировоззрения, то оказывается в плену иллюзорных форм бытия, где возможности выхода за пределы всеобщей фетишизации крайне ограничены. В связи с этим *С.В. Резванов* крайне важной проблемой считает генезис личности в поле современной культуры, начиная с раннего детского возраста.

Однако, каковы бы ни были конкретные способы общественного производства капитала (а таковые могут быть реализованы и в гуманистической парадигме), это, по словам *В.А. Рыбина* (Челябинск), всегда «живое в системе патологически функционирующего живого». Определяя таким образом «базисную методологическую установку Маркса», *В.А. Рыбин* переводит на конкретно-всеобщий, глобальный уровень проблематику, поставленную еще *Э.В. Ильенковым* в брошюре «Школа должна учить мыслить». Современная форма развития капитализма, связанная с глобализационными процессами, все нагляднее обостряет вопрос о дальнейшем существовании жизни на Земле. Если общество возводит во главу угла процессы накопления капитала и развития института частной собственности, это соответствует интересам частичной, а отнюдь не универсально развитой личности. В условиях современного мира это может быть охарактеризовано именно как патология всего живого, поскольку решение педагогикой вопроса о формировании конкретно-всеобщее мыслящей личности все очевиднее становится связанным с решением глобальных проблем человечества, сохранением существующего земного биогеоценоза.

При этом ключевым для выживания и качественного культурно-творческого развития человечества моментом становится вопрос осознания своей специфически-человеческой сущности максимально широкими общественными кругами. А в этом смысле, как отмечают *С.Н. Мареев* и *Е.В. Мареева*, наиболее важным является духовная память. На первый взгляд такого рода утверждение кажется несколько неконкретным, особенно ввиду того, что есть вполне конкретные всеобщие опасности: экологическая, нарастание террористической угрозы, демографическая и т. п. Но почему-то с тех пор как Римский клуб сформулировал эти проблемы, они продолжают нарастать. Следовательно, в их основе лежит что-то более глубинное, сущностное. По нашему мнению, поднимаемая *С.Н. Мареевым* и *Е.В. Мареевой* проблема духовной памяти может пролить свет на искомую основу. И это не память отдельного человеческого индивида, а память человечества. Такого рода память содержит в снятом виде существенные противоречия диалектического по своей сути социоприродного бытия человека как всеобще-исторической сущности. Если относиться к духовному наследию всего лишь как к компендиуму образов и знаний, каковые не ориентированы на предотвращающее решение назревающих проблем, то мы не сможем воспользоваться ценнейшим опытом предков, так и оставшись аристотелевскими «политическими животными».

«Ильенковские чтения», будучи одной из самых «старых» ежегодных международных философских конференций на территории постсоветского пространства, задала устойчивую традицию понимания сущностной связи всеобщих понятий мышления с самыми животрепещущими жизненными реалиями. *Э.В. Ильенков* полагал, что философская классика с ее категориальным аппаратом – это предельный уровень осмысления глубинных закономерностей развития человечества. В связи с этим позитивизм с его неприятием философской классики не мог не вызвать критического отношения

Эвальда Васильевича. На это обратил внимание *С.Н. Бычков*: ильенковское творчество во многом – это глубокий анализ методологического принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Позитивизм «грешит» игнорированием этого принципа, поскольку, с точки зрения его представителей, научная форма знания – это не более чем «формальная символика, за которой не следует искать никакого вне ее лежащего смысла, никакого реального предметного прообраза».

П.Г. Былевский также сосредоточился на анализе ильенковской методологии, но уже в контексте так называемого кризиса hi-hume («название по аналогии с hi-tech, высокими наукоемкими технологиями на базе естественных наук»). Суть его заключается в том, что прорывных открытий в области гуманитаристики во второй половине XX – начале XXI в. не наблюдается. П.Г. Былевский обращает внимание на то, что, невзирая на очень серьезные капиталовложения, принципиальных достижений, например, в сферах продления активной человеческой жизни, качественного физического омоложения так и не происходит. По мнению П.Г. Былевского, обусловлено это тем, что в подобных исследованиях «человек рассматривается как абстрактный биологический объект, а не как конкретный социально-исторический субъект. Общественный характер личности в лучшем случае учитывается как фактор “социальной среды”, понимаемой локально-механистически». Таким образом, не учитывается, что человек является собой диалектическое единство биологического и социального.

Ф.С. Герасимов (Воронеж) рассмотрел еще один с методологической точки зрения ключевой момент в развитии философии как категориального мышления о мышлении. Исследователь полагает, что анализ исторического развития мышления будет продуктивным только с позиций монистической философии. Монистический принцип не исключает плюрализма дискуссии, как утверждает, скажем, постструктуралистская философия. Однако Ф.С. Герасимов вполне аргументированно отметил, что исследовательский спор без общих для всех участников оснований – не плюрализм, а эклектика. Философия остается теорией мышления до той поры, пока сопротивляется деконструкции. В таком случае есть возможность делать выводы о закономерностях исторического развития мышления (как это делалось в рамках школы Выготского – Лурии). Если же мы попытаемся «вынуть» монистическое методологическое основание из-под «здания» культурно-исторической школы психологии, то получим эклектизм подходов. Это, в свою очередь, не позволяет понять универсальную диалектическую сущность мышления и в конечном счете пролить свет на то, как, какими конкретно способами школа должна учить мыслить.

Примечательно, что на проблему оснований такого универсализма обратил внимание *Р.Р. Вахитов* (Уфа), в ильенковском ключе осмысливший средневековый спор об универсалиях. Спор между номиналистами и реалистами, будучи «применен» к контексту современности, показывает, что «номинализм зиждется на отчуждении человеческой личности, на метафизическом развитии индивидуализма, что ведет к отказу от универсального классического идеала, к проповеди релятивизма».

Невзирая на существенный исторический и смысловой промежуток между проблемами, поднятыми еще в эпоху Средневековья, и философией XX в., между ними есть сущностная взаимосвязь, каковая актуальна и в начале XXI столетия. *А.Ф. Гавриленков* (Смоленск) анализировал «Ленинскую диалектику и метафизику позитивизма» Э.В. Ильенкова, обращая внимание на качественное различие позиций Ленина и Богданова. В выступлении А.Ф. Гавриленкова оказалась затронута проблема развития марксистской философии в СССР. В официальной интерпретации марксизма Ильенкова не устраивало низведение методологии исторического материализма до статуса своего рода служанки естествознания.

Представляется, что известная оппозиционность Ильенкова конъюнктурному философскому марксистскому официозу в СССР была одной из причин интереса к его творчеству (в особенности к «Диалектической логике») в рамках троцкистски ориентированных марксистских философов – Г. Хили (G. Nealy), А. Каллиникос (A. Callinicos).

На это в своем сообщении обратил внимание *Б. Бауринг*, отметивший, что для британских троцкистов особенно важен был вопрос о логике революционного движения.

Большое внимание на конференции было уделено анализу ильенковской концепции идеального. Понимание Э.В. Ильенковым идеального является своего рода «ключом» к тому, чему нужно учить мыслить, какую способность развивать для того, чтобы мышление обладало силой творческой диалектики. Собственно, эта способность заключается в том, чтобы в идеальных по сути своей категориях охватывать наиболее существенные, жизненно важные противоречия как личного, так и общественного развития. В плане осмысления ильенковского наследия *А.Д. Майданским* была артикулирована проблема, к которой издревле тяготеет классическая традиция западной философии: это решение базового диалектического противоречия жизни и смерти, созидания и разрушения в их всеобщем значении. Данный вопрос был значим для Э.В. Ильенкова на начальном этапе его творчества, что отражено в «Космологии духа», написанной в середине 1950-х гг.

О.Ф. Иващук обратила внимание на то, что идеальное неоднородно и расчленяется на противоположные и противоречащие друг другу сферы. Многие участники «Ильенковских чтений» традиционно ставят вопрос о борьбе различных социальных сил за господство над идеальной сферой общественной жизни. Результатом этой борьбы, по словам О.Ф. Иващук, становится «формирование и внедрение в практики таких мыслительных форм, которые позволяют закрепить господствующий порядок принуждения либо оспорить его». Из сообщения *Т.И. Ерошенко* (Ростов-на-Дону) можно заключить, что в основном такая борьба за идеальное производится между идеологиями, под каковыми «мы будем понимать не столько четкие политические программы, сколько мироощущения, мировоззрения, смысловые ориентации более общего характера, в которых на первый план выходят наиболее общие идеалы и культурные принципы». Т.И. Ерошенко, в частности, обращает внимание участников конференции на то, что провозглашенная в первой половине 1960-х гг. Дж. Беллом и С. Липсет концепция конца идеологии провалилась. Наоборот, по мере развития внутри капиталистической системы новых, подчиненных ей форм социальных отношений появляется множество новых трендов: «повседневная идеология», «экологическая идеология», «феминистская идеология», «гендерная идеология», «идеология виртуального капитала», «идеология блогосферы» и т. д.». Подобная реидеологизация естественна для сложившейся социально-экономической ситуации.

Исследование Э.В. Ильенковым проблемы идеального с неизбежностью приводит к постановке вопроса об общественной сущности идеала. *М.А. Иванов* (Калуга) следующим образом описывает проблематику идеала: «Образ всесторонне и гармонически развитой личности, получивший интерпретацию и важные уточнения в теории Э.В. Ильенкова, не вызывает сомнений в аспекте аксиологической значимости и исторической желательности. Однако его адекватность и реализуемость вызывают вопросы в условиях сложного взаимодействия тенденций к дифференциации и унификации в деятельности человека в современных условиях». Масштаб и направленность личностного идеала в основном задается существующей структурой общественных отношений. *А.В. Бузгалин* показал, что количество и глубина превращенных, симуляционных форм отчуждения растут по мере лавинообразного распространения самых разных глобальных сетей. Отчуждение стремится стать сущностью основных современных культурно-исторических трендов (*Л.А. Булавка*). Естественно, что такой социальной структуре идеал универсально развитой личности неадекватен. Однако «историческая желательность» ильенковского подхода к общественному идеалу состоит в том, что он позволяет преодолеть частно-исторические формы отчуждения, стать стержневым онтологическим качеством (ибо чисто аксиологического контекста исследования идеала сегодня явно недостаточно). В связи с этим *В.И. Пунтус*, размышляя о природе общественного идеала, отметил, что каждая координата идеального будущего должна быть представима противоположностями, которые находятся в диалектическом единстве

(взаимодействии). Лишь сконцентрировавшись на диалектической сущности идеала, мы сможем освободить его от использования различными общественными идеологиями в чисто манипулятивных целях. Идеал не может быть непротиворечив, содержащийся в нем образ желаемого будущего должен скорее давать адекватное действительности понимание проблем настоящего и пути их решения.

Итак, на наш взгляд, «Ильенковские чтения-2019» показывают, что самое ценное в ильенковском наследии – это подробный анализ логики диалектического мышления о закономерностях развития сознания в истории культуры. Эта логика перспективна, то есть позволяет с достаточной точностью мыслить (а не гадать!) о будущем. Кроме того, она по сей день обладает силой снятия иллюзий с многочисленных идеологических, псевдодиалектических, метафизических построений, готовых выдать себя за истину в последней инстанции. Ильенковская традиция в философии, психологии, педагогике позволяет по меньшей мере попытаться воплотить в научной и образовательной деятельности логику содержательно-диалектического анализа. Определенный оптимизм в этом отношении внушает расширение данной традиции. Существенным (и символическим) свидетельством этому является начало издания Собрания сочинений Э.В. Ильенкова (изд-во «Канон+»), первая презентация 1-го тома которого прошла за день до начала конференции в стенах Института философии РАН, а вторая – на Ильенковских чтениях. На презентациях выступила дочь Э.В. Ильенкова С.Э. Иллеш. Ее рассказ позволил взглянуть на громадное научное наследие Эвальда Васильевича через призму его личности, самым острым образом переживавшей (а значит и воплощавшей в себе) противоречия эпохи.

Д.В. Третьяков (Старый Оскол)

Третьяков Дмитрий Владимирович – Воронежский экономико-правовой институт, филиал в г. Старый Оскол, Белгородская обл., Старый Оскол, 309514, ул. Ленина, д. 59.

Кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции филиала Воронежского экономико-правового института в г. Старый Оскол.
dmitrtretyakoff@yandex.ru

Tretyakov Dmitriy V. – Voronezh Institute of Economics and Law, the Branch in Stary Oskol, 59, Lenina str., Stary Oskol, 309514, Russian Federation.

CSc in Philosophy, Associate Professor Department of Jurisprudence in the Branch of Voronezh Institute of Economics and Law in Stary Oskol.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3-204-210